

DOI: [10.14515/monitoring.2026.4.3090](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3090)

Т. П. Емельянова, С. В. Тарасов

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА 1990-Х ГОДОВ В РОССИИ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ И «ЭФФЕКТ ПОЛЛИАННЫ»

Правильная ссылка на статью:

Емельянова Т. П., Тарасов С. В. Эмоциональная оценка 1990-х годов в России: коллективная память поколений и «эффект Поллианны» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 4. С. 25—49. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3090>.

For citation:

Emelyanova T. P., Tarasov S. V. (2026) Emotional Evaluation of the 1990s in Russia: Generational Collective Memory and the Pollyanna Effect. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 25—49. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3090>. (In Russ.)

Получено: 18.08.2025. Принято к публикации: 07.04.2026.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА 1990-Х ГОДОВ
В РОССИИ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ ПОКО-
ЛЕНИЙ И «ЭФФЕКТ ПОЛЛИАННЫ»EMOTIONAL EVALUATION OF THE 1990S IN
RUSSIA: GENERATIONAL COLLECTIVE MEM-
ORY AND THE POLLYANNA EFFECT

ЕМЕЛЬЯНОВА Татьяна Петровна — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Мультидисциплинарные исследования текста» Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
E-MAIL: t_emelyanova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>

Tatyana P. EMELYANOVA^{1,2} — Dr. Sci. (Psych.), Professor, Chief Research Fellow at the Laboratory of Social and Economic Psychology; Leading Research Fellow at the 'Multidisciplinary Text Research' Laboratory at the Institute of Philology and Intercultural Communication
E-MAIL: t_emelyanova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0458-7705>

ТАРАСОВ Семён Васильевич — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия; младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Мультидисциплинарные исследования текста» Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
E-MAIL: tarasovsemv@ipran.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8790-7219>

Semyon V. TARASOV^{1,2} — Cand. Sci. (Psych.), Research Fellow at the Laboratory of Social and Economic Psychology; Junior Research Fellow at the 'Multidisciplinary Text Research' Laboratory at the Institute of Philology and Intercultural Communication
E-MAIL: tarasovsemv@ipran.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8790-7219>

¹ Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Аннотация. Исследование направлено на анализ актуальных и реконструируемых эмоциональных оценок периода 1990-х годов у представителей двух поколений — бэби-бумеров, 1947—1967 гг. р.) и поколения X (1968—1981 гг. р.), — а также вклада социально-психологических и психоэмоциональных характеристик в эти оценки. Проверилось предположение о различиях психологических механизмов, обуславливающих выраженность актуальных и реконструируемых эмоциональных оценок 1990-х годов, а также о проявлении у более молодого по-

Abstract. This study aims to analyse current and reconstructed emotional assessments of the 1990s amongst members of two generations (Baby-boomers (born in 1947–1967) and Generation X (1968–1981)), as well as the contribution of socio-psychological and psycho-emotional characteristics to these assessments. Tests were conducted to verify the hypothesis regarding differences in the psychological mechanisms underlying the intensity of current and reconstructed emotional assessments of the 1990s, as well as the manifestation of the 'Pollyanna effect' (tendency for

коления (X) «эффекта Поллианны» (склонности отдавать предпочтение позитивной информации, оценивая настоящее, воспоминания о прошлом и ожидания в отношении будущего). В исследовании приняли участие 677 человек в возрасте от 50 до 77 лет (322 представителя поколения X, 355 — бэби-бумеров). Использовались шкала позитивного и негативного аффекта (ШПАНА, в адаптации Е. Н. Осина), опросник эмоциональной регуляции Дж. Гросса (в адаптации А. А. Панкратовой и Д. С. Корниенко), шкала диагностики депрессивного и тревожного состояния PHQ-4 (в адаптации А. А. Золотаревой и коллег), шкалы гражданской идентичности и социального оптимизма Т. А. Нестика, методика оценки коллективных эмоций. Данные анализировались с помощью дескриптивной статистики, критерия t-Стюдента и путевого анализа. Результаты показали наличие частичного «эффекта Поллианны», выражающегося в меньшей интенсивности негативных эмоций в актуальных оценках у представителей обоих поколений, однако без выраженного доминирования позитивных переживаний. Бэби-бумеры чуть чаще, чем представители поколения X, прибегают к подавлению экспрессии, демонстрируют более высокий уровень гражданской идентичности и выше оценивают чувство несправедливости при реконструкции эмоций прошлого. Анализ показал измерительную и структурную инвариантность путевой модели для поколения X и поколения бэби-бумеров. Основными предикторами как реконструируемых, так и актуальных эмоциональных оценок 1990-х годов в обеих возрастных группах выступают социальный оптимизм, гражданская идентичность и негативный аффект в настоящем. Социальный оптимизм и когнитивная переоценка выполняют защитную функцию по отношению к психоэмоциональному состоянию общества и его образам прошлого. Подавление экспрессии, в свою очередь, связа-

people to favour positive information, manifested in assessments of the present, memories of the past and expectations regarding the future). The study involved 677 participants aged between 50 and 77 (322 from Generation X and 355 baby boomers). The following instruments were used: the Positive and Negative Affect Scale (PANAS, adapted by E. N. Osin), J. Gross's Emotional Regulation Questionnaire (adapted by A. A. Pankratova, D. S. Kornienko), the PHQ-4 scale for diagnosing depressive and anxiety states (adapted by A. A. Zolotareva and colleagues), T. A. Nestik's scales of civic identity and social optimism, and a method for assessing collective emotions. The data were analysed using descriptive statistics, the Student's t-test and path analysis. The results revealed the presence of a partial 'Pollyanna Effect', manifested in a lower intensity of negative emotions in the current assessments of members of both generations, though without a marked predominance of positive emotions. Baby-boomers are slightly more likely than Generation X to suppress their emotional expression, demonstrate a higher level of civic identity, and rate feelings of injustice more highly when reconstructing past emotions. The analysis revealed measurement and structural invariance of the path model for both Generation X and the baby-boomer generation. The main predictors of both reconstructed and current emotional assessments of the 1990s in both age groups are social optimism, civic identity, and negative affect in the present. Social optimism and cognitive reappraisal serve a protective function in relation to society's psycho-emotional state and its perceptions of the past. Suppressed emotional expression, in turn, is associated with a higher level of depressive symptoms. Furthermore, a consistent negative correlation was found in both groups between moral emotions (guilt and shame) and a sense of injustice, which may reflect the operation of psychological defense mechanisms, including resentment.

но с более высоким уровнем выраженности депрессивного состояния. Также в обеих группах обнаружена устойчивая отрицательная связь моральных эмоций (вины и стыда) с чувством несправедливости, которая может отражать действие защитных психологических механизмов, в том числе ресентимента. Исследование подчеркивает роль актуального эмоционального состояния в формировании оценок прошлого и необходимость расширения системы факторов актуализации коллективной памяти в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: коллективная травма, поколение, коллективные эмоции, коллективная память, эффект Поллианны, идентичность, социальный оптимизм

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00570, <https://rscf.ru/project/24-18-00570/>.

The study highlights the role of current emotional state in shaping assessments of the past and the need to expand the range of factors influencing the activation of collective memory in future research.

Keywords: collective trauma, generation, collective emotions, collective memory, Pollyanna principle, identity, social optimism

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), Project № 24-18-00570, <https://rscf.ru/project/24-18-00570/>.

Введение

1990-е годы в России представляют собой уникальный социально-исторический период, противоречивые интерпретации которого продолжают влиять на политический дискурс и инспирировать аналитические исследования (например, [Беляева, Ракова, 2025]). Глубокие общественные трансформации, связанные с радикальной перестройкой политико-экономического уклада государства [там же: 32], повлекли за собой сохраняющуюся до настоящего времени поляризацию оценок произошедших перемен. О том, что эмоционально окрашенные воспоминания не остаются неизменными на протяжении времени, свидетельствуют многочисленные исследования [Levine et al., 2021; Samide, Ritchey, 2021; Schacter, Greene, Murphy, 2023; Schmidt et al., 2021 и др.]. Так, в памяти о политических событиях, вызвавших в свое время яркий эмоциональный отклик, «актуальные негативные эмоции полностью опосредовали связь между текущими оценками и воспоминаниями о негативных эмоциях» [Schmidt et al., 2021: 819]. Авторы утверждают, что таким образом воздействие на актуальные эмоции людей в настоящем делает возможным «переписывание» прошлого [ibid.: 824]. В другом исследовании было обнаружено, что, «когда люди вспоминали прошлые обиды в контексте текущих негативных чувств, они переоценивали степень своего гнева», и это может запустить «разрушительный цикл политической поляризации» [Levine et al., 2021: 48].

Можно предполагать, что существуют актуальные факторы социально-психологического плана, которые воздействуют на оценку событий прошлого. Настоящее исследование ставит вопросы не только о вариативности эмоциональных оценок прошлого, но и о роли различных динамических факторов — стратегий эмоциональной саморегуляции (когнитивная переоценка, подавление экспрессии), уровня гражданской идентичности и социального оптимизма. Особое значение имеет то, как текущий аффект — тревога, депрессия, восприятие нестабильности — «фильтрует» ретроспективные суждения и оценки. Практические следствия этой работы могут иметь значение для прогнозирования общественной консолидации или поляризации социальных групп: память о критических периодах способна как мобилизовать общество, так и углубить социальное размежевание. При этом уникальность российской ситуации заключается в потенциальном наложении прошлых травм на актуальные вызовы (например, геополитические конфликты, санкционное давление), что может трансформировать известные эффекты памяти.

Коллективная память: травма, поколения и эмоции

Коллективная память играет огромную роль в жизни общества — она способна спланировать людей и обеспечивать общественную солидарность, но может оказаться и причиной раскола общественного мнения и даже «войн памяти». Факторами, определяющими коллективные воспоминания о социально значимых исторических событиях, являются актуальное эмоциональное состояние людей, институционально обусловленные трактовки события, принадлежность к различным группам общества (например, профессиональным, национальным группам), играют роль политические установки, уровень образования людей и др. [Емельянова, 2019].

Конец XX века был важным периодом для российского общества. Оценки событий и обстоятельств жизни в 1990-х годах до сих пор остаются противоречивыми. В исследовании Левада-Центра¹ «Что Вы могли бы сказать о своем настроении в последние дни?», проводимом с 1993 г., можно увидеть, что все 1990-е годы оценки происходившего делили общество почти пополам: переживание прекрасного и нормального настроения отмечали в среднем 40,6% опрошенных, а напряжение, раздражение, страх и тоску испытывали 50,7%². Расхожая квалификация этого времени как «лихие девяностые» намекает на разгул стихии в общественной жизни, которая создала серьезные проблемы большей части населения.

В политологических исследованиях начала 2000-х годов доказывалось, что в стране, где долгие годы отсутствовали (и даже преследовались) частная инициатива и свободное волеизъявление, идеология демократии только небольшой частью населения была воспринята позитивно [Пантин, 2003]. Ни руководству страны, ни либеральной интеллигенции не удалось подготовить почву для позитивного восприятия перестройки, для примирения с ее неизбежными издержками. В дальнейшем приватизация, распад СССР, фактическая конфиска-

¹ Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

² Общественные настроения: октябрь 2023 года // Левада-Центр. 2023. 14 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2023/11/14/obshhestvennye-nastroeniya-oktyabr-2023-goda/> (дата обращения: 21.08.2025 (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента))

ция сбережений граждан в ходе денежных реформ усугубили ситуацию, придав ей травматичный характер.

Данные эмпирического исследования социальных представлений о демократии свидетельствуют, что наблюдалась подмена политического смысла категории «демократия» экономическими категориями («дикий рынок», «коррупционный беспредел»), а также когнитивная бедность и внутренняя противоречивость содержания социальных представлений о демократии. Были обнаружены такие взаимоисключающие представления, как «демократия — причина всех зол», «идеальная (хрестоматийная) демократия», «демократия как анархия», «демократия как миф», что свидетельствует о выраженной ментальной дезинтеграции общества [Емельянова, 2006].

К середине 1990-х перестройка в массовом сознании воспринималась населением как некое переходное состояние от «застойного благополучия» при Л. И. Брежневке к «рыночному беспределу» при Б. Н. Ельцине. Экономико-политическая ситуация в России 1990-х описывается концепцией культурной травматизации, разработанной П. Штомпкой. По определению автора, «травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире» [Штомпка, 2001: 10]. Ситуация в России этого периода отличалась быстротой развития, радикальностью, «потрясением основ», ощущением «навязанности» сверху, непредсказуемостью, то есть основными признаками травмы по П. Штомпке [там же: 8].

Травматизация имела конкретные объективные показатели. По данным тех лет, «с 1988 г. началось снижение ожидаемой продолжительности жизни, и к 1994 г. она достигла 63,88 года, что является самым низким значением среди экономически развитых стран. При этом темп снижения был катастрофически высок: за 5 лет падение составило 5,84 года» [Шилова, 1999: 85]. 64 % населения России имели доход 4 доллара и менее на человека в день, что, согласно методике расчета Всемирного банка, означает порог абсолютной бедности.

Однако по прошествии лет эмоциональные реакции на политические события обычно теряют свою остроту, память на чувства подвержена ослаблению и искажению: «В той мере, в какой люди опираются на текущие знания, взгляды и опыт, отличающиеся от прошлых, их оценки интенсивности прошлых чувств будут неточными» [Kaplan et al., 2016: 311]. Одним из эффектов подобных искажений является «эффект Поллианны» — тенденция «приукрашивать» факты прошлого, который Т. А. Нестик рассматривает как «механизм защиты позитивной личностной и групповой идентичности» [Нестик, 2024]. В основе него, по мнению автора, лежат механизмы эмоциональной саморегуляции (когнитивная переоценка и подавление экспрессии), а также социальный оптимизм.

Этот феномен частично описан в работе М. К. Горшкова и В. В. Петухова при сопоставлении данных опросов ФОМ 1995 г. и ИКСИ РАН 2005 г. Как пишут авторы, ряд событий перестройки в 2005 г. россияне оценивали позитивнее, чем за десять лет до этого [Горшков, Петухов, 2005]. Выросла положительная оценка обретения гражданами права на свободное волеизъявление, включая право на участие в митингах и демонстрациях (с 46 % до 60 %). Существенно лучше россияне стали относиться к введению должности президента страны (соответствен-

но 33 % и 58 %). Также выросло число респондентов, отмечавших положительную роль частных предприятий в экономике (с 44 % до 61 %).

Проявляется ли этот феномен спустя более продолжительное время, должно показать настоящее исследование. Вероятно, изучаемый период лучше всего помнят два поколения современных россиян, поскольку они застали его либо в процессе становления взрослой жизни (студенты, молодые работники), либо в ее середине. К этим поколениям можно отнести бэби-бумеров и представителей поколения X. В выделении этих поколений мы опираемся на работы В. В. Радаева: при анализе данных групп он предложил некоторые дополнительные к классической теории поколений аспекты дифференциации данных когорт в российском обществе [Радаев, 2025]. Во-первых, возрастные границы поколений выделяются не только на основании года рождения, но также с учетом периода формативных лет (когда представители того или иного поколения вступают в период «взросления», 17—25 лет). Во-вторых, поколения определяются через привязку к политико-экономическим периодам в истории СССР/России [Радаев, 2018: 17—18]. Таким образом, в настоящем исследовании бэби-бумеры (поколение застоя, период рождения — 1947—1967 гг., период взросления — 1964—1984 гг.) — это те, чей пик профессиональной карьеры и ответственности за семью выпал на реформы 1990-х годов. Поколение X (реформенное поколение, период рождения — 1968—1981 гг., период взросления — 1985—1999 гг.) — те, кто встретил радикальные перемены на этапе личностного и профессионального становления, развиваясь параллельно формированию нового государства.

Проведенное ВЦИОМ в 1999 г. исследование показало, что судьба поколения бэби-бумеров полна сложностей и противоречий, связанных с политико-экономическими трансформациями конца XX века. В начале своей взрослой жизни оно испытало эйфорию эпохи «оттепели» и готово было активно участвовать в процессах либерализации и демократизации общества, период «застоя» породил апатию, угасание интереса к политической жизни страны. Затем иллюзия причастности к власти, возникшая в начале перестройки, сменилась разочарованием в результате перемен начала 1990-х годов [Левада, 2001]. Эти перепады политического фона, травматизация вследствие резких общественных трансформаций у многих представителей поколения бэби-бумеров породили усталость от перемен и равнодушно-созерцательное отношение к политике. Для представителей поколения X характерны установки на собственные силы и менее выраженный патернализм по сравнению с поколением бэби-бумеров. Сравнение их воспоминаний может пролить свет на то, являются ли социально-психологические особенности представителей поколений факторами конструирования коллективной памяти о травмировавших население событиях прошлого.

Объектом настоящего исследования выступает эмоциональная составляющая коллективной памяти российского общества о социально значимых исторических событиях 1990-х годов. Предметом изучения выступают реконструируемые (оценка с позиции памяти, ответ на вопрос «что вы чувствовали тогда?») и актуальные (оценка с позиции настоящего, ответ на вопрос «что вы чувствуете сегодня?») эмоциональные оценки 1990-х годов во взаимосвязи с социально-психологическими характеристиками двух поколений (бэби-бумеров и X). В соответствии с этим це-

лью исследования стал анализ вклада социально-психологических (социальный оптимизм, гражданская идентичность) и психоэмоциональных (эмоциональная саморегуляция, депрессивное и тревожное состояние, позитивный и негативный аффект) характеристик представителей двух поколений (бэби-бумеров и поколения X) в оценку ими своих актуальных и реконструируемых переживаний 1990-х годов. Основу работы составили предположения о том, что, во-первых, представители поколения X, в отличие от представителей поколения бэби-бумеров, будут более склонны демонстрировать «эффект Поллианны», то есть актуальные эмоциональные оценки 1990-х годов с позиций настоящего времени и происходящих событий будут позитивнее, чем оценки, реконструируемые по памяти. Во-вторых, структура связей социально-психологических и психоэмоциональных характеристик с актуальными и реконструируемыми эмоциями о 1990-х годах будет различна для поколений. Бэби-бумеры, вероятно, в большей степени, чем поколение X, опираются на эмоциональную саморегуляцию и гражданскую идентичность в эмоциональных оценках.

Метод

Выборка

Исследование проходило в августе — сентябре 2024 г., данные были собраны посредством онлайн-опроса на платформе «Анкетолог». В приглашении предоставлялась краткая информация о цели и методах исследования, критериях включения, обозначались условия участия (добровольность, анонимность и конфиденциальность). Перед заполнением анкеты участники давали информированное согласие на участие в исследовании. При желании участники могли получить индивидуальную обратную связь по электронной почте после полного завершения набора данных.

В исследовании приняли участие 677 человек в возрасте от 50 до 77 лет, поколения были выделены в соответствии с концепцией В. В. Радаева [Радаев, 2025]. Поколение X (реформенное поколение): 322 респондента (по 50 % мужчин и женщин), в возрасте от 50 до 56 лет, более половины имеют неполное или полное высшее образование (65,6 %); 24,2 % отметили, что проживают в городе с населением более 1 млн человек, 22,3 % проживают в Москве или Санкт-Петербурге; 78,9 % респондентов работают или являются работающим пенсионером, 21,1 % не работают, занимаются домашним хозяйством. Поколение бэби-бумеров, или поколение застоя: 355 респондентов (по 50 % мужчины и женщины), в возрасте от 57 до 77 лет, 75,3 % имеют неполное или полное высшее образование; 30,7 % проживают в Москве или Санкт-Петербурге, 19,2 % — в городе с населением более 1 млн человек; 48,2 % респондентов работают или являются работающим пенсионером, 51,8 % — не работают, занимаются домашним хозяйством.

Методики

Для изучения аффекта россиян в настоящем применялась краткая версия шкалы позитивного и негативного аффекта (PANAS), состоящая из 12 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале [Осин, 2012]; для анализа эмоциональной регуляции мы применяли опросник «Стиль эмоциональной саморегуляции» Дж. Гросса

[Панкратова, Корниенко, 2017], включающий две шкалы — когнитивная экспрессия (6 пунктов) и подавление экспрессии (4 пункта), оцениваемые по семибалльной шкале; для изучения характеристик тревожного и депрессивного состояния применялась шкала PHQ-4, включающая два пункта для диагностики депрессивного состояния и два пункта для диагностики тревожного состояния, оцениваемые по четырехбалльной шкале [Золотарева и др., 2024]; с целью фиксации гражданской идентичности как привязанности к стране использована скрининговая шкала «Гражданская идентичность», включающая три пункта и оцениваемая по семибалльной шкале [Нестик, 2021а]; для анализа социального оптимизма использован опросник «Социальный оптимизм» Т.А. Нестика, включающий пять пунктов и оцениваемый по семибалльной шкале [Нестик, 2021б].

С целью изучения выраженности переживания актуальных и реконструируемых эмоций применялась авторская методика. Респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов: «Постарайтесь вспомнить себя в 1990-е годы. Укажите, в какой степени в 1990-е годы Вы испытывали перечисленные эмоции по поводу того, что происходило тогда в России», «Укажите, в какой степени Вы испытываете перечисленные эмоции, когда сегодня думаете о периоде 1990-х годов в России». Перечень эмоций был взят из модели И. Роземан [Roseman, 2013] и представлял собой следующие 13 эмоций и чувств: страх, радость, печаль, надежда, гнев, отвращение, гордость, презрение, чувство вины, чувство стыда, ненависть, сострадание, чувство несправедливости. Оценка производилась по семибалльной шкале Ликерта, где 1 — совсем не испытываю (л/ла), а 7 — очень сильно испытываю (л/ла). С целью укрупнения эмоциональных оценок мы провели эксплораторный факторный анализ (метод максимального правдоподобия, вращение Варимакс). Результаты показали, что эмоциональные оценки в отношении ситуации в России в 1990-х годов объединяются в шесть факторов, объясняющих 70,2 % (для реконструируемых) и 81,5 % (для актуальных) дисперсии. В первый фактор «Эмоции отвержения и агрессии» вошли гнев, отвращение, презрение, ненависть; второй фактор, «Позитивные эмоции», образуют радость, надежда и гордость; третий фактор, «Эмоции избегания», включает страх и печаль; вина и стыд образуют четвертый фактор «Моральные эмоции». Чувство сострадания и чувство несправедливости представлены автономно. Полученные нами результаты соответствуют основным категориям политических эмоций, выявленным в других исследованиях [Redlawsk, Mattes, 2022], что частично подтверждает валидность методики. Также они были проверены конфирматорным факторным анализом на независимой выборке из 1022 человек³.

Проверка скалярной инвариантности основных методик исследования методом мультигруппового конфирматорного факторного анализа ($CFI > 0,95$; $RMSEA < 0,05$; $\Delta CFI < 0,01$; $\Delta RMSEA < 0,015$ [Chen, 2007]) подтвердила ее наличие, что позволяет сравнивать средние значения двух групп, полученные на основании использованного инструментария (см. табл. А [Приложения](#)).

³ Конфирматорный факторный анализ позволил подтвердить полученное ранее распределение факторов (реконструируемые эмоции о 1990-х годах — $\chi^2(17) = 56,3$; $p < 0,001$; $CFI = 0,996$; $TLI = 0,976$; $RMSEA = 0,04$; $SRMR = 0,03$ | актуальные эмоции о 1990-х годах — $\chi^2(17) = 47,1$; $p < 0,001$; $CFI = 0,998$; $TLI = 0,986$; $RMSEA = 0,04$; $SRMR = 0,03$). Пороговые значения коэффициентов указаны далее по тексту.

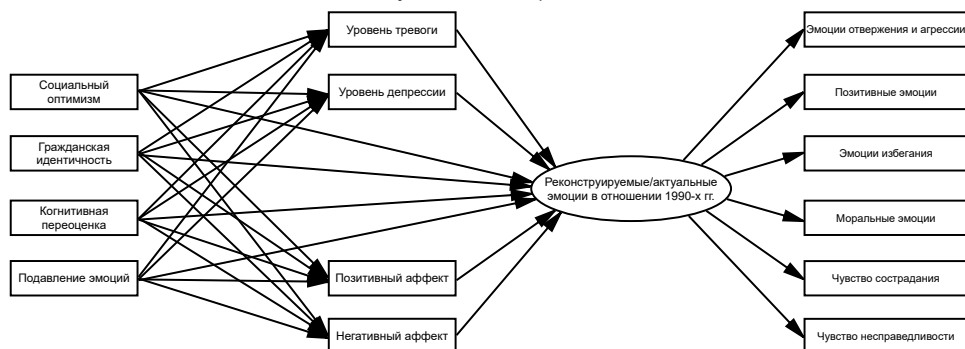
Анализ данных

Для обработки данных использовались программы Jamovi 2.7.23 и IBM SPSS Amos 22. На первом этапе были применены дескриптивная статистика — с целью описания мер центральной тенденции и мер разброса изучаемых переменных, — проверка распределения на нормальность, критерий t-Стьюдента ($p \leq 0,05$) — для анализа различий изучаемых переменных в двух поколениях россиян. На втором этапе для анализа вклада социально-психологических характеристик и актуального психоэмоционального состояния в реконструируемые и актуальные эмоциональные оценки 1990-х годов использовался путевой анализ (SEM) (оценка всех моделей осуществлялась с использованием стандартной статистики хи-квадрат (модель максимального правдоподобия), WLSMV) [Loehlin, Beaujean, 2017]. Выбор данного метода обусловлен тем, что в рамках него исследуются корреляции и ковариации заданной авторской модели (см. рис. 1). В отличие от традиционной регрессии, данный подход учитывает ошибки измерения и предоставляет индексы согласия модели с эмпирическими данными ($\chi^2(df)$, χ^2/df , $p < 0,05$; пороговые значения: CFI $> 0,95$; TLI $> 0,95$; RMSEA $< 0,05$; SRMR $\leq 0,08$; Pclose $> 0,4$)⁴ [Awang, 2015]. Тем самым путевой анализ позволяет проверять разные гипотезы о связях между независимыми и зависимой переменными (латентными переменными), оценить, насколько теоретически предполагаемая структура соответствует реальным данным [Lleras, 2005; Zainol et al., 2019]. Для анализа непрямых эффектов использовался метод бутстрапа (5000 репликаций выборки) как наиболее устойчивый к ненормальности распределений и рекомендуемый для медиационных моделей [Cheung, Lau, 2008; Hayes, 2018]. Непрямой эффект признавался значимым (или значимо различающимся между группами), если 95-процентный доверительный интервал не содержал нуля.

Построение самой путевой модели опирается на исследования коллективной памяти, а также исследований психоэмоционального состояния российского общества [Емельянова, 2019; Нестик, 2023, 2024]. Мы предположили, что эмоциональные оценки 1990-х годов образуют общую латентную переменную, описывающую сложность эмоциональных переживаний и, тем самым, некоторый образ того времени. Основной вклад в нее вносят актуальные психоэмоциональные состояния (депрессивное и тревожное состояние, позитивный и негативный аффект) и личностные характеристики, связанные с регуляцией эмоций и отражающие связь с гражданским обществом и видением его будущего. При этом личностные характеристики демонстрируют как прямой вклад в эмоциональную оценку, так и опосредованный, за счет медиации психоэмоциональным состоянием.

⁴ Здесь и далее: $\chi^2(df)$ — статистика хи-квадрат и количество степеней свободы; χ^2/df — отношение минимального значения хи-квадрат к числу степеней свободы; p — уровень значимости; CFI — сравнительный индекс соответствия Бентлера; TLI — индекс Такера — Лююиса; RMSEA — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; SRMR — стандартизированный корень среднеквадратического остатка; Pclose — p -value для проверки нулевой гипотезы о том, что RMSEA в генеральной совокупности $\leq 0,05$.

Рис. 1. Модель путевого анализа связей социально-психологических и психоэмоциональных характеристик с реконструируемыми и актуальными эмоциональными оценками 1990-х годов в двух поколениях россиян

Результаты исследования

На первом этапе был проведен анализ выраженности эмоциональных оценок 1990-х годов, которые давали представители двух поколений — X и бэби-бумеров (см. табл. 1). Стоит отметить их достаточно сходную конфигурацию: видна тенденция к более низкому уровню как позитивных, так и негативных эмоций при сравнении реконструируемых и актуальных эмоций о 1990-х годах. При этом не наблюдается предполагавшегося нами «эффекта Поллианны» (доминирования позитивных эмоций в актуальных переживаниях по сравнению с реконструируемыми). Мы можем зафиксировать лишь его частичное проявление — чуть меньшую выраженность негативных эмоциональных оценок того периода российской истории.

Таблица 1. **Описательные статистики и сравнительный анализ выраженности актуальных и реконструируемых эмоциональных оценок 1990-х годов у представителей поколения X и бэби-бумеров (ББ)**

Переменные	Поколение X		Поколение ББ		t	p	d
	M	SD	M	SD			
Реконструируемые эмоции о 1990-х годах							
Эмоции отвержения и агрессии	2,84	1,64	2,97	1,69	-0,950	0,342	-0,073
Позитивные эмоции	3,54	1,29	3,38	1,36	1,552	0,121	0,119
Эмоции избегания	3,74	1,70	3,74	1,63	-0,044	0,965	-0,003
Моральные эмоции	2,35	1,45	2,48	1,51	-1,131	0,259	-0,087
Чувство сострадания	3,80	1,70	3,74	1,64	0,379	0,705	-0,029
Чувство несправедливости	4,43	2,04	4,77	1,86	-2,227	0,023	-0,175
Актуальные эмоции о 1990-х годах							
Эмоции отвержения и агрессии	2,78	1,72	2,94	1,88	-1,175	0,240	-0,090
Позитивные эмоции	2,92	1,42	2,89	1,45	0,346	0,729	0,026
Эмоции избегания	3,30	1,63	3,34	1,60	-0,266	0,790	-0,020
Моральные эмоции	2,28	1,51	2,45	1,58	-1,409	0,159	-0,108
Чувство сострадания	3,35	1,80	3,35	1,71	0,035	0,972	0,002
Чувство несправедливости	4,33	1,96	4,39	1,94	-0,410	0,682	-0,031

Примечание. M — среднее, SD — стандартное отклонение, t — t-статистика Стьюдента, p — уровень значимости, d — размер эффекта; полужирным выделены значимые различия.

Сравнительный анализ поколений (t-Стьюдента, при $p \leq 0,05$) позволил выделить лишь одно статистически значимое различие эмоциональных оценок 1990-х годов между двумя поколениями россиян. Бэби-бумеры в реконструируемых эмоциональных оценках данного периода российской истории демонстрируют большую выраженность чувства несправедливости, чем представители поколения X. Вероятно, это связано с тем, что представители бэби-бумеров, успевшие укорениться в социально-экономической среде советского общества, были не только менее лабильны к изменениям, но также несли ответственность за свою семью и детей, что усиливало негативные переживания. Однако размер эффекта полученных различий довольно маленький, что требует проверки этого результата в последующих исследованиях и осторожного отношения при интерпретации.

Дополнить полученные различия реконструируемых и актуальных эмоциональных оценок 1990-х годов позволяют результаты анализа психоэмоциональных и социально-психологических характеристик представителей поколения X и поколения бэби-бумеров (см. табл. 2).

Таблица 2. Описательные статистики и сравнительный анализ выраженности психоэмоциональных и социально-психологических характеристик представителей поколения X и бэби-бумеров (ББ)

Переменные	Поколение X		Поколение ББ		t	p	d
	M	SD	M	SD			
Социальный оптимизм	4,62	1,68	4,73	1,64	-0,916	0,360	-0,070
Гражданская идентичность	5,21	1,44	5,5	1,45	-2,569	0,010	-0,197
Когнитивная переоценка	4,72	1,16	4,69	1,08	0,319	0,749	0,024
Подавление экспрессии	4,1	1,13	4,33	1,11	-2,650	0,008	-0,204
Депрессия	2,37	1,78	1,89	1,67	3,547	<0,001	0,273
Тревога	1,68	1,73	1,28	1,6	3,082	0,002	0,237
Позитивный аффект	2,76	0,9	2,69	0,84	1,146	0,252	0,088
Негативный аффект	2,3	1,04	2,16	0,99	1,777	0,076	0,136

Примечание. M — среднее, SD — стандартное отклонение, t-статистика Стьюдента, p — уровень значимости, d — размер эффекта; полужирным выделены значимые различия; полужирным выделены значимые различия.

Представители более молодого поколения (X), в отличие от бэби-бумеров, проживают актуальные события в своей жизни и жизни страны с несколько большим негативом. Они демонстрируют чуть более выраженное переживание депрессивных и тревожных состояний. Вероятно, это связано, с одной стороны, с наслоением кризисных ситуаций в их настоящей жизни (Covid-19, санкции, СВО и др.) [Нестик, 2023]; с другой стороны, в период «кризисных 90-х» они были молодежью, которая в разной степени получала помощь от своих родителей (бэби-бумеров) и проявляла живое сочувствие по отношению к происходящим событиям (построение новой России, открытие границ и прочее) и чуть позитивнее реагировала на изменения. На достаточно «благополучные», или, как их еще называют, «нефтяные», 2000-е годы пришлось их профессиональное развитие и становление, сопровождавшееся свободой, большим количеством альтернатив и возможностей. В свя-

зи с этим актуальный кризис, который они переживают уже как представители старшего возраста, стал для них крайне негативным событием. В то время как бэби-бумеры демонстрируют несколько большую выраженность гражданской идентичности и подавления экспрессии, что, вероятно, может быть связано с их уже сформированной ранее, например в 1990-е, системой восприятия кризисных ситуаций, которая включает в себя «холодную голову» и веру в то, что страна преодолевает любые кризисы, поэтому необходимо быть с ней. Однако размер эффекта полученных различий достаточно маленький, что требует проверки этих результатов в последующих исследованиях и осторожного отношения при интерпретации.

Далее был проведен путевой анализ для проверки предположения о различиях в структуре связей системы социально-психологических и психоэмоциональных характеристик с актуальными и реконструируемыми эмоциями по поводу 1990-х годов. Поскольку анализируются два поколения россиян, имеющие различия по изучаемым характеристикам, был проведен мультигрупповой анализ путевой модели для проверки ее соответствия в двух группах ($CFI > 0,95$; $RMSEA < 0,05$; $\Delta CFI < 0,01$; $\Delta RMSEA < 0,015$ [Chen, 2007]). Результаты (см. табл. 3) показали конфигуральную, метрическую, скалярную, структурную и строгую инвариантность модели, поэтому в дальнейшем можно рассматривать данную модель предикторов актуальных и реконструируемых переживаний относительно 1990-х годов как общую для россиян, относящихся к поколению X и поколению бэби-бумеров.

**Таблица 3. Статистики моделей по двум группам
(у представителей поколения X и поколения бэби-бумеров)
относительно переживания актуальных и реконструируемых эмоций о 1990-х годах**

Инвариантность	CFI	ΔCFI	RMSEA	$\Delta RMSEA$	Pclose	χ^2	df	p
<i>Реконструируемые эмоции относительно 1990-х годов</i>								
Конфигуральная	0,972	—	0,046	—	0,762	205,960	84	<0,001
Метрическая (равны факторные нагрузки)	0,971	0,001	0,046	0,000	0,791	216,294	89	<0,001
Скалярная (равны интерсепты)	0,970	0,001	0,042	0,004	0,962	245,268	103	<0,001
Структурная (равны коэффициенты)	0,965	0,005	0,041	0,001	0,974	288,482	118	<0,001
Строгая (равны остатки)	0,965	0,000	0,040	0,001	0,989	301,873	134	<0,001
<i>Актуальные эмоции относительно 1990-х годов</i>								
Конфигуральная	0,979	—	0,040	—	0,973	180,768	86	<0,001
Метрическая	0,979	0,000	0,039	0,001	0,989	183,750	91	<0,001
Скалярная	0,978	0,001	0,036	0,003	0,999	210,040	105	<0,001
Структурная	0,973	0,005	0,037	0,001	0,998	257,058	120	<0,001
Строгая	0,968	0,005	0,038	0,001	0,999	289,821	136	<0,001

Примечание. ΔCFI — разница сравнительного индекса соответствия между моделями; $\Delta RMSEA$ — разница корня среднеквадратической ошибки аппроксимации между моделями.

В отношении реконструируемых эмоций о 1990-х годах была получена статистически значимая для обоих поколений модель ($\chi^2(84) = 205,960$; $\chi^2/df = 2,452$; $p < 0,001$; CFI = 0,972; TLI = 0,939; SRMR = 0,065; RMSEA = 0,046; Pclose = 0,762). На основании анализа инвариантности было показано, что пути и регрессионные коэффициенты в группах сходны. Таким образом, для описания механизма выраженности реконструируемых оценок будет использоваться общая модель (см. рис. 2, табл. Б и В [Приложения](#)).

Как видно из модели, основными предикторами, объясняющими 19% и 14% дисперсии латентной переменной, реконструируемых эмоций в отношении 1990-х годов являются негативный аффект, социальный оптимизм, гражданская идентичность и подавление экспрессии. Социальный оптимизм, помимо этого, обуславливает уровень тревоги и депрессии россиян, позитивный и негативный аффект, выступая вероятно как механизм совладания, так как высокая выраженность оптимизма снижает негативные психоэмоциональные состояния. В уровень тревоги, депрессии, позитивный и негативный аффект вклад также вносят когнитивная переоценка и подавление экспрессии. При этом, если когнитивная переоценка демонстрирует роль механизма совладания с негативными эмоциональными состояниями, то подавление экспрессии, наоборот, способствует выраженности депрессии. В целом данный результат объясним тем, что «запрет» или «заглушение» эмоций не ведет к их проживанию, а переводит на уровень внутриличностных переживаний, что способствует переживанию угнетенного состояния [Gross, John, 2003].

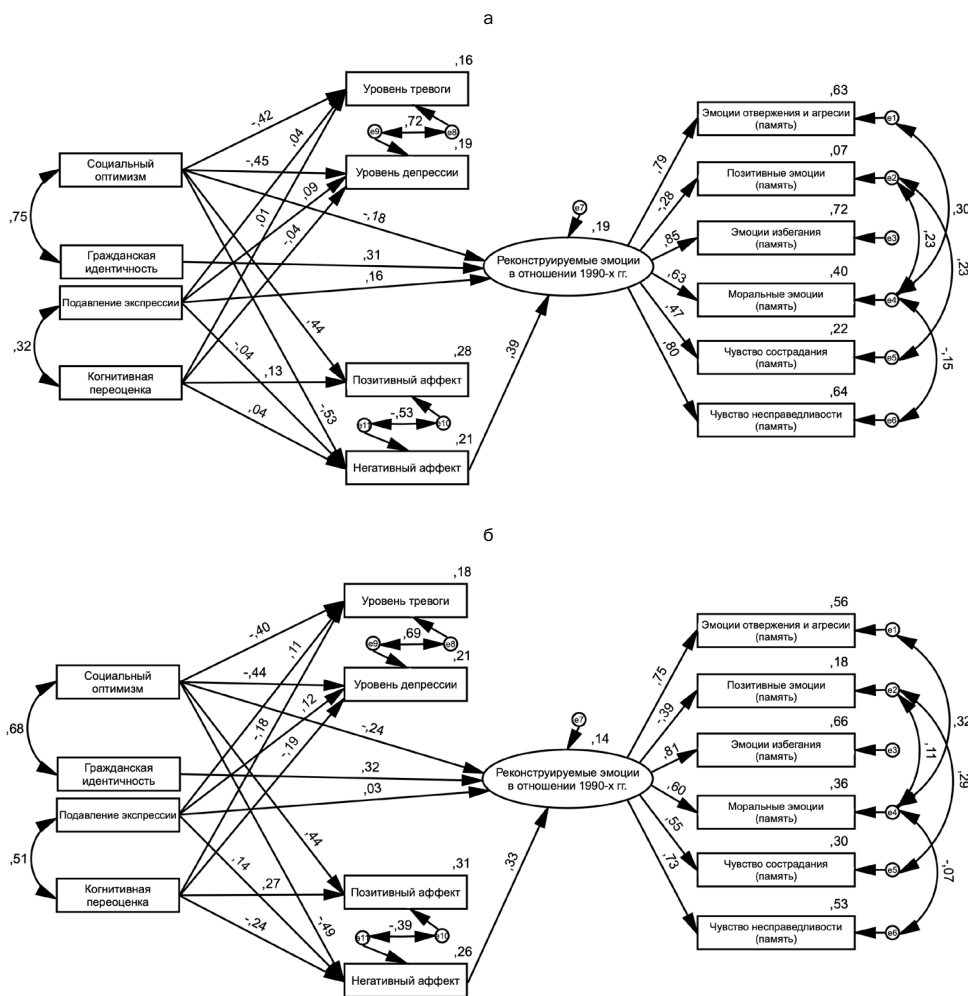
В плане вклада эмоций в латентную переменную стоит отметить преобладание негативных эмоциональных оценок, при этом даже не отвержения и агрессии (гнева, отвращения и т.д.), а эмоций избегания (страха и печали), при обратном вкладе позитивных. Вероятно, это демонстрирует тенденцию относиться к изучаемому периоду российской истории или так — осуждая, жить со страхом повторения, — или, наоборот, имея светлый образ того времени. Также относительно эмоций можно заметить, что центральным узлом ковариаций выступают моральные эмоции (вина и чувство стыда). Они связаны с эмоциями отвержения и агрессии, позитивными эмоциями и переживанием несправедливости. Позитивные эмоции, в свою очередь, связаны еще и с переживанием сострадания.

Проверка медиации психоэмоциональным состоянием связи личностных характеристик и актуальных эмоциональных оценок показала лишь один статистически значимый непрямой эффект — социальный оптимизм → негативный аффект → актуальные эмоции ($\beta = -0,160$; $SE = 0,031$; $p = 0,001$). Таким образом, социальный оптимизм как напрямую, так и через снижение негативного аффекта способствует снижению выраженности эмоций. Учитывая, что основу реконструируемых эмоций и образа 1990-х годов создают негативные и морально-нравственное переживания, оптимизм выступает в роли механизма защиты от «плохого».

Как видно на рисунке 2, регрессионные коэффициенты некоторых путей и ковариации остатков между моделями двух поколенческих групп россиян различаются. В связи с этим дополнительно была проведена проверка частичной неинвариантности на основании теста множителей Лагранжа (LM test) [Kline, 2023]. Согласно классическому подходу Б. Бирна и коллег [Byrne, Shavelson, Muthén, 1989], при

подтвержденной общей структурной инвариантности допустимо ослабление отдельных ограничений (путей) на основе значений индексов модификации ($LM > 3,84$; $p < 0,05$). Проведенный анализ выявил статистически значимые расхождения в ряде путей (т. е. их ослабление приводит к улучшению показателей, что говорит о статистически значимом различии в поколенческих группах). Так, в группе поколения X, в отличие от модели бэби-бумеров, значимый вклад в реконструируемые эмоции о 1990-х годах вносят подавление экспрессии и позитивный аффект. В свою очередь у бэби-бумеров более значима роль когнитивной переоценки как стратегии совладания с актуальной тревогой и негативным аффектом.

Рис. 2. Модель результатов путевого анализа связей социально-психологических и психоэмоциональных характеристик с реконструируемыми эмоциональными оценками 1990-х годов в двух поколениях россиян (а — поколение X, б — поколение бэби-бумеров)

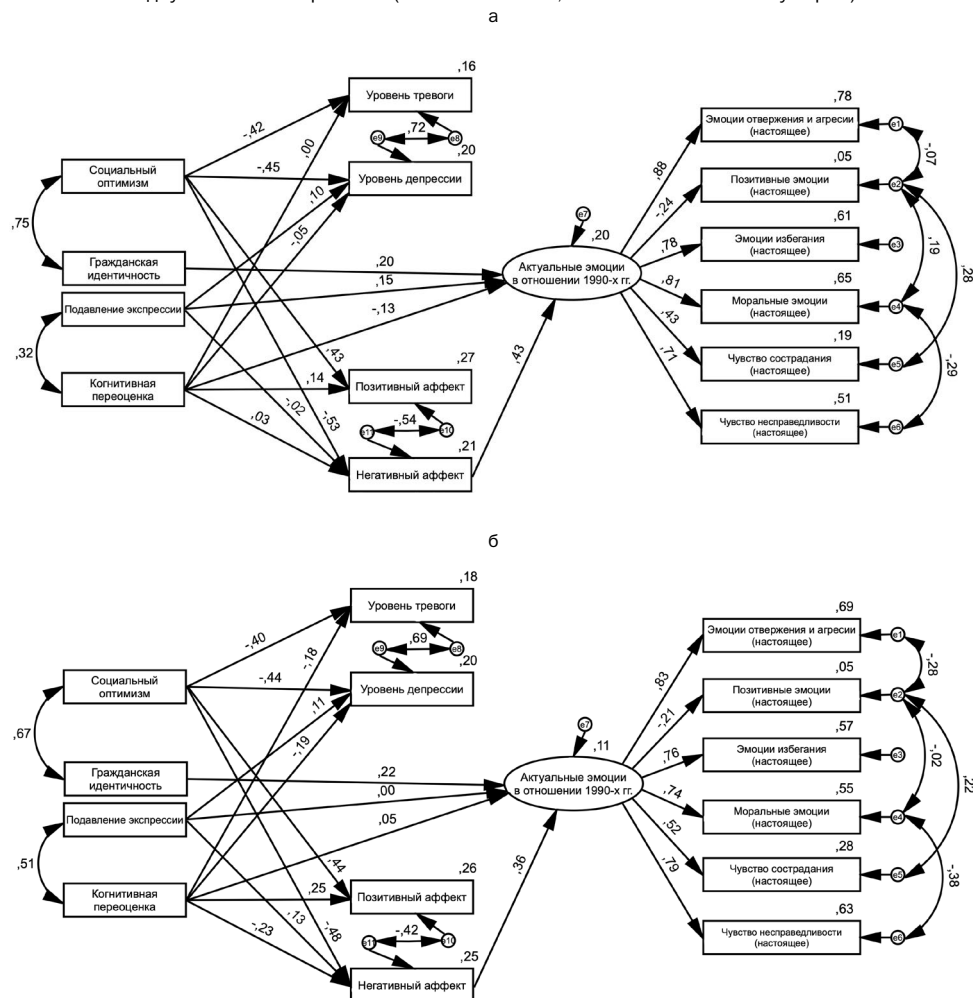

В отношении актуальных эмоций по поводу 1990-х годов, то есть оценок с позиций настоящего, а не с опорой на память, была также получена статистически значимая для обеих поколений модель ($\chi^2(86) = 180,768$; $\chi^2/df = 2,102$; $p = 0,000$; CFI = 0,979; TLI = 0,955; SRMR = 0,05; RMSEA = 0,04; Pclose = 0,973). В соответствии с результатами анализа инвариантности, как и в случае с моделью предикторов реконструируемых эмоций, будет использоваться общая модель (см. рис. 3, табл. Г и Д [Приложения](#)). В целом модель демонстрирует те же связи, что и представленная выше: основные предикторы эмоций, объясняющие 20 % и 11 % дисперсии (в разных группах), гражданская идентичность, подавление экспрессии и негативный аффект. Интересно, что социальный оптимизм не имеет в этой модели прямого эффекта. Однако так же как и в модели реконструируемых эмоций он демонстрирует непрямой эффект через негативный аффект ($\beta r = -0,179$; SE = 0,04; $p < 0,001$). Тем самым сохраняя свой статус «спасителя» от негативного образа прошлого, несмотря на позицию, с которой мы оцениваем, — из настоящего момента или пытаюсь вспомнить, что мы переживали в прошлом. Как и в модели реконструируемых эмоций, в данной модели социальный оптимизм обуславливает снижение выраженности негативных психоэмоциональных состояний (депрессии, тревоги, негативного аффекта) и способствует выраженности позитивного аффекта. Когнитивная переоценка выступает механизмом защиты от негативных эмоциональных состояний, а подавление экспрессии вносит вклад в выраженность уровня депрессии. Наблюдаемые различия относительно самих реконструируемых и актуальных эмоциональных оценок касаются вклада отдельных категорий эмоций в латентную переменную. С позиций настоящего больший вклад демонстрируют эмоции отвержения и агрессии (гнев, отвращение и др.), в то время как вклад эмоций избегания слегка снижается. Но при этом позитивные эмоции сохраняют свою оппозицию сложному негативно-нравственному эмоциональному образу 1990-х годов. Различие проявляется и в ковариационных связях эмоций. В данной модели центральным звеном выступают позитивные эмоции, связанные с эмоциями отвержения и агрессии, чувством сострадания и моральными эмоциями. Последние, в свою очередь, сохраняют связь с чувством несправедливости.

Касательно путевой модели актуальных эмоций в отношении 1990-х годов также был проведен анализ частичной инвариантности. Его результаты показали, что в группе представителей поколения бэби-бумеров более выражены связи когнитивной переоценки с тревогой, негативным аффектом и актуальными эмоциями о периоде 1990-х годов. В группе поколения X, в отличие от модели бэби-бумеров, значимый вклад в реконструируемые эмоции о 1990-х годах вносит подавление экспрессии. Это еще раз показывает тенденцию россиян разного возраста задействовать разные механизмы совладания с актуальными вызовами и их вклад в образ прошлого. Также было выявлено статистически значимое расхождение в ковариационной связи эмоций отвержения и агрессии в отношении 1990-х годов с позиций настоящего и позитивных эмоций, то есть в группе бэби-бумеров отношение между негативным и позитивным образом 1990-х годов с позиций настоящего более негативно, чем у поколения X. Вероятно, у более старшего поколения образ тех лет с позиций их сегодняшней жизни несколько четче делит-

ся на «черное» и «белое». Однако данные аспекты требуют дальнейшего развития исследований этой проблематики.

Рис. 3. Модель результатов путевого анализа связей социально-психологических и психоэмоциональных характеристик с актуальными эмоциональными оценками 1990-х годов в двух поколениях россиян (а — поколение X, б — поколение бэби-бумеров)

Обсуждение результатов

Оценка россиянами 1990-х годов отечественной истории подвержена воздействию многих факторов. Этот исторический отрезок оказался судьбоносным для общества: рыночные реформы, открытие российской экономики внешнему миру, либерализация цен, приватизация государственного и муниципального имущества, денежная реформа, либерализация валютного рынка и другие преобразо-

вания кардинально изменили жизнь государства. Переживавшие этот сложный период поколение бэби-бумеров и поколение X оказались в условиях сильнейшей социальной турбулентности. Как показывают исследования, их эмоции и оценки своего социального самочувствия в это десятилетие значительно менялись с годами [Горшков, Петухов, 2005; Емельянова, 2019].

Наше исследование позволило обнаружить некоторые факторы эмоциональной оценки событий 1990-х годов в разных группах российского общества.

Анализ предикторов выявил универсальную роль социального оптимизма для обоих поколений: его связь с меньшей депрессией, тревогой, негативным аффектом и большим позитивным аффектом подтверждает его значение как механизма совладания [Нестик, 2021б; 2023]. Когнитивная переоценка (фокусировка на позитиве) также способствовала меньшим психоэмоциональным переживаниям относительно настоящего у обеих групп. В то время как подавление экспрессии вносит вклад в уровень депрессии, что согласуется с классическими работами о саморегуляции эмоций [Gross, John, 2003]. При этом стоит отметить различия обращения разных возрастных групп к этим механизмам. Если для более молодого поколения X важную роль играет подавление экспрессии, что может быть обусловлено в целом их большей эмоциональной нагруженностью, то для поколения бэби-бумеров в рамках совладания с актуальными негативными психоэмоциональными состояниями ведущую роль играет когнитивная переоценка.

Интересной для дальнейшего анализа представляется выявленная отрицательная связь моральных эмоций (вины и чувства стыда) с чувством несправедливости: чем выше выраженность переживания несправедливости, тем ниже уровень вины и стыда, связываемых с событиями 1990-х годов. Эта связь статистически значима в обеих поколенческих группах применительно к актуальным эмоциональным оценкам, а также у поколения X применительно к реконструируемым эмоциональным оценкам, однако не достигает значимости у бэби-бумеров в отношении реконструируемых оценок. Подобная конфигурация связей может отражать не столько переживание вины перед прошлым, сколько ее психологическое избегание. Воспринимаемая несправедливость происшедшего может снижать готовность принимать моральную ответственность за собственную вовлеченность в события того времени, что согласуется с механизмом смещения (диффузии) моральной ответственности [Bandura, 1999]. Вместе с тем обнаруженный паттерн может быть частным проявлением более общего феномена ресентимента, то есть враждебности по отношению к воспринимаемому источнику собственных неудач при невозможности изменить свое положение [Фишман, 2024]. Настоящее исследование не позволяет установить, на каких именно агентов направлено данное переживание (страна, государство, политические или гражданские институты, собственное поколение или эпоха в целом), а также разграничить два предложенных объяснения, что составляет самостоятельную задачу для последующих исследований.

Также обращение к концепции ресентимента [Фишман, 2024] позволяет предположить, что его субъектом выступают не обязательно наиболее пострадавшие в объективном смысле группы, а прежде всего те, кто в результате произошедших перемен утратил ранее занимаемый социальный статус и связанные с ним

ценностные ориентиры, что в большей степени характерно для поколения бэби-бумеров, чья социализация и профессиональное становление пришлось на советский период. С этой точки зрения более высокая выраженность чувства несправедливости у бэби-бумеров при реконструкции эмоций о 1990-х годах (см. табл. 1) может отражать не столько непосредственное переживание материальных потерь, сколько отсроченную, опосредованную памятью реакцию на обесценивание прежнего социального положения. Проверка данного предположения требует привлечения дополнительных показателей, не включенных в настоящее исследование. Например, воспринимаемой статусной мобильности и референтных групп сравнения.

Вполне ожидаемым результатом является вклад гражданской идентичности в эмоциональные оценки 1990-х годов как в ретроспективе, так и с позиций актуальных событий: она может выполнять защитную функцию, формируя чувство общности, и напрямую связана с выраженностью социального оптимизма [Нестик, 2021б; 2023; 2024 и др.].

Заключение

Анализ механизмов актуализации следов коллективной памяти на эмоционально насыщенные события новейшей отечественной истории (1990-е годы) способствует пониманию того, как оценка прошлого может изменяться под влиянием актуальных эмоциональных и когнитивных ресурсов личности. Исследование показало, что структура связей социально-психологических и психоэмоциональных характеристик с эмоциональными оценками этого периода является в целом общей для поколения X и поколения бэби-бумеров. Универсальную защитную функцию в отношении актуального психоэмоционального состояния в обеих группах и применительно к обеим временным перспективам (реконструируемой и актуальной) выполняют социальный оптимизм и когнитивная переоценка. Обнаруженные немногочисленные различия между поколениями касаются не столько общей архитектуры модели предикторов, сколько силы отдельных связей и содержания эмоционального образа периода, что указывает на сочетание общих и специфичных для поколений механизмов актуализации коллективной памяти.

1990-е годы в целом сохраняют более травматичный характер для поколения бэби-бумеров, на долю которого пришлось основная тяжесть общественно-политического разлома страны и общества: «Как показывают и история, и современность, травма непреодолима, это теневая сторона развития цивилизации, которая несет в себе контрверзу блага и разрушения» [Касавина, 2025: 18]. При этом для представителей обоих поколений в целом характерно частичное сглаживание негативного образа прошлого при переходе от реконструируемых оценок к актуальным — снижение выраженности негативных эмоций без сопоставимого роста позитивных. Данный факт можно рассматривать как проявление защитной работы коллективной памяти. Обнаруженные различия между поколениями в выраженности отдельных психоэмоциональных характеристик характеризуются, однако, небольшими размерами эффекта и требуют осторожности при интерпретации и обобщении. Основными предикторами как реконструируемых, так и актуальных эмоциональных оценок 1990-х годов в обеих поколенческих группах вы-

ступают социальный оптимизм, гражданская идентичность и негативный аффект в настоящем, что подчеркивает роль текущего эмоционального состояния и связанности со страной в конструировании образа прошлого. Устойчивая отрицательная связь моральных эмоций (вины и стыда) с чувством несправедливости, наиболее выраженная применительно к актуальным оценкам обоих поколений, указывает на возможное действие разных механизмов психологической защиты от диффузии моральной ответственности до ресентимента. Однако данные аспекты требуют отдельной теоретической и эмпирической проработки. В целом полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне переживания несправедливости, связанном с 1990-ми годами, что может оказывать негативное влияние на образ будущего и на уровень институционального доверия в настоящем.

Для дальнейшего изучения динамики памяти о 1990-х годах необходимо расширение системы исследуемых факторов (включая социально-экономические и политические характеристики), а также анализ продуктов деятельности, например материалов СМИ для сопоставления с социологическими и психологическими данными.

Ограничения

Несмотря на полученные значимые результаты, исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации данных.

Во-первых, выборка исследования, сформированная методом онлайн-опроса, не является репрезентативной, она может быть подвержена влиянию самоотбора и недостаточно репрезентировать социально-демографические группы с низкой цифровой активностью, особенно среди старшего поколения.

Во-вторых, применяемый методический инструментарий, включая авторскую методику оценки эмоций, основан на самоотчетах, что может приводить к искажениям, связанным с социальной желательностью и ретроспективным смещением в оценке переживаний 30-летней давности [Андрееenkova, 2026].

В-третьих, важным ограничением настоящего исследования является его кросс-секционный дизайн. В условиях такого дизайна эффекты возраста (жизненного цикла), периода (исторического контекста) и когорты (поколения) оказываются неразделимыми. Это означает, что обнаруженные различия, а также некоторые тенденции и закономерности между представителями поколения X и бэби-бумеров могут быть обусловлены как поколенческими особенностями, так и возрастными различиями (например, различиями в жизненном опыте, семейном статусе, профессиональной зрелости). В связи с этим стоит относиться к выводам и интерпретировать их с осторожностью, как к отражающим некоторые различия между возрастными группами в конкретном контексте и конкретном временном периоде.

В-четвертых, исследование фокусируется преимущественно на социально-психологических факторах, оставляя за рамками анализа возможное влияние институциональных нарративов, медийного контекста и актуальных социально-экономических условий на реконструкцию коллективной памяти.

Полученные выводы отражают специфику восприятия исторического периода в современном российском обществе на ограниченной и смещенной выборке и требуют осторожности при попытках их экстраполяции на другие группы, куль-

турные или временные контексты. Указанные ограничения задают направления для будущих исследований, таких как лонгитюдные проекты, включение качественных методов и более широкого спектра социально-демографических и макро-социальных предикторов.

Список литературы (References)

1. Андрееenkova А. В. Исследуя социальные изменения — методологический и эмпирический анализ ретроспективных и лонгитюдных методов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 17—39. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3145>.
Andreenkova A. V. (2026) Studying Social Change — Methodological and Empirical Analysis of Retrospective and Longitudinal Methods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 17—39. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3145>. (In Russ.)
2. Беляева Л. А., Ракова К. В. Российское общество в 1990—2023 гг.: опыт эмпирической оценки социальной структуры, качества жизни и социально-психологического климата // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 29—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658>.
Belyaeva L. A., Rakova K. V. (2025). Russian Society in 1990—2023: An Empirical Assessment of Social Structure, Life Quality, and Socio-Psychological Climate. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 29—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658>. (In Russ.)
3. Горшков М. К., Петухов В. В. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Пабlishер, 2005. С. 362—400.
Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (2005) Perestroika Through the Eyes of Russians: 20 Years Later. In: *Breakthrough to Freedom: On Perestroika Twenty Years Later (A Critical Analysis)*. Moscow: Alpina Publisher. P. 362—400. (In Russ.)
4. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2006.
Emelyanova T. P. (2006) Construction of Social Representations in the Conditions of Russian Society Transformation. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
5. Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019.
Emelyanova T. P. (2019). Collective Memory of National History Events: A Socio-Psychological Approach. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
6. Золотарева А. А., Костенко В. Ю., Лебедева А. А., Чумакова М. А. Скрининг тревоги и депрессии в общей популяции: адаптация Patient Health Questionnaire-4 в России // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2024. Т. 58. № 2. С. 45—54. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2024-899>.

- Zolotareva A. A., Kostenko V. Yu., Lebedeva A. A., Chumakova M. A. (2024) Screening for Anxiety And Depression in the General Population: Adaptation of the Patient Health Questionnaire-4 in Russia. *V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*. Vol. 58. No. 2. P. 45—54. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2024-899>. (In Russ.)
7. Касавина Н. А. «Общество травмы» как концептуализация неопределенности // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 10—20.
Kasavina N. A. (2025) «Society of Trauma» as a Conceptualization of Uncertainty. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. No. 1. P. 10—20. (In Russ.)
 8. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7—14.
Levada Yu. A. (2001) Generations of the 20th Century: Research Opportunities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 7—14. (In Russ.)
 9. Нестик Т. А. Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия (отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева). М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2021а. С. 119—125.
Nestik T. A. (2021a) Russians' Experience of Epidemiological Threat as a Socio-psychological Phenomenon: Results of Empirical Studies. *Impact of the Pandemic on Individuals and Society: Psychological Mechanisms and Consequences* (Eds. T. A. Nestik, A. L. Zhuravlev, A. E. Vorobyeva). Moscow: Institute of psychology RAS. P. 119—125. (In Russ.)
 10. Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021б. Т. 2. № 9: Горизонты будущего. С. 6—48. <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/obraz-budushchego-socialnyi-optimizm-i-dolgosrochnaja-orientacija-rossijan-socialno-psikhologicheskii-analiz> (дата обращения: 21.08.2025).
Nestik T. A. (2021b) Image of the Future, Social Optimism and Long-term Orientation of Russians: Socio-psychological Analysis. *SocioDigger*. Vol. 2. No. 9. P. 6—48. <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/obraz-budushchego-socialnyi-optimizm-i-dolgosrochnaja-orientacija-rossijan-socialno-psikhologicheskii-analiz> (date of access: 21.08.2025). (In Russ.)
 11. Нестик Т. А. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 9: Общество во времена СВО. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviakh-svo> (дата обращения: 21.08.2025).
Nestik T. A. (2023) Psychological State of Russian Society During the SMO. *SocioDigger*. Vol. 4. No. 9. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviakh-svo> (date of access: 21.08.2025). (In Russ.)

12. Нестик Т. А. Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 25—39. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403>.
Nestik T. A. (2024) The Pollyanna Effect: The Role of Positive Personal and Group Identity Defense Mechanisms. *Social Psychology and Society*. Vol. 15. No. 4. P. 25—39. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403>. (In Russ.)
13. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91—110.
Osin E. N. (2012) Measuring Positive and Negative Affect: Development of a Russian-language Analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 4. P. 91—110. (In Russ.)
14. Панкратова А. А., Корниенко Д. С. Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 139—149.
Pankratova A. A., Kornienko D. S. (2017) Russian Adaptation of J. Gross's Emotion Regulation Questionnaire (ERQ). *Voprosy psikhologii*. No. 5. P. 139—149. (In Russ.)
15. Пантин И. К. Демократия в России: противоречия и проблемы // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 134—148. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.01.12>.
Pantin I. K. (2003) Democracy in Russia: Contradictions and Problems. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 134—148. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.01.12>. (In Russ.)
16. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.
Radaev V. V. (2018) Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.
17. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество (4-е изд.). М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2025.
Radaev V. V. (2025) Millennials: How Russian Society is Changing (4th Ed.). Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
18. Фишман Л. Г. Неравенство равных. Концепция и феномен ressentiment. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024.
Fishman L. G. (2024) *Inequality of Equals: The Concept and Phenomenon of Ressentiment*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
19. Шилова Л. С. Трансформация самосохранительного поведения // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 102—112.
Shilova L. S. (1999) Transformation of the Self-protection Behavior. *Sociological Studies*. No. 5. P. 84—92. (In Russ.)

20. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6—16.
Shtompka P. (2001) Social Change as Trauma (First Article). *Sociological Studies*. No. 1. P. 6—16. (In Russ.)
21. Awang Z. (2015) SEM Made Simple: A Gentle Approach to Learning Structural Equation Modeling. Bandar Baru Bangi, Selangor: MPWS Rich Publication Sdn. Bhd.
22. Bandura A. (1999) Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 3. No. 3. P. 193—209. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0303_3.
23. Byrne B. M., Shavelson R. J., Muthén B. (1989) Testing for the Equivalence of Factor Covariance and Mean Structures: The Issue of Partial Measurement Invariance. *Psychological Bulletin*. Vol. 105. No. 3. P. 456—466. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.105.3.456>.
24. Chen F. F. (2007) Sensitivity of Goodness of Fit Indexes to Lack of Measurement Invariance. *Structural Equation Modeling*. Vol. 14. No. 3. P. 464—504. <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>.
25. Cheung G. W., Lau R. S. (2008) Testing Mediation and Suppression Effects of Latent Variables: Bootstrapping with Structural Equation Models. *Organizational Research Methods*. Vol. 11. No. 2. P. 296—325. <https://doi.org/10.1177/1094428107300343>.
26. Gross J. J., John O. P. (2003) Individual Differences in Two Emotion Regulation Processes: Implications for Affect, Relationships, and Well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 85. No. 2. P. 348—362. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.2.348>.
27. Hayes A. F. (2018) Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach (2nd ed.). New York, NY: Guilford Press.
28. Kaplan R. L., Levine L. J., Lench H. C., Safer M. A. (2016). Forgetting Feelings: Opposite Biases in Reports of the Intensity of Past Emotion and Mood. *Emotion*, Vol. 16. No. 3. P. 309—319. <http://dx.doi.org/10.1037/emo0000127>.
29. Kline R. B. (2023) Principles and Practice of Structural Equation Modeling (5th ed.). New York, NY: Guilford Press.
30. Levine L. J., Murphy G., Lench H. C., Greene C. M., Loftus E. F., Tinti C., Schmidt S., Muzzulini B., Grady R. H., Stark S. M., Stark C. E. L. (2021) Remembering Facts Versus Feelings in the Wake of Political Events. *Cognition & Emotion*. Vol. 35. No. 5. P. 936—955. <https://doi.org/10.1080/02699931.2021.1910496>.
31. Lleras C. (2005) Path Analysis. In: K. Kempf-Leonard (ed.), *Encyclopedia of Social Measurement*. Elsevier. P. 25—30. <https://doi.org/10.1016/B0-12-369398-5/00483-7>.

32. Loehlin J. C., Beaujean A. A. (2017) *Latent Variable Models: An Introduction to Factor, Path, and Structural Equation Analysis* (5th Ed.). New York, NY: Routledge.
33. Redlawsk D. P., Mattes K. (2022) Emotions and Politics. In: D. Osborne, C. G. Sibley (eds.) *Cambridge Handbook of Political Psychology* Cambridge: Cambridge University Press. P. 139—158. <https://doi.org/10.1017/9781108779104.010>.
34. Roseman I. J. (2013) Appraisal in the Emotion System: Coherence in Strategies for Coping. *Emotion Review*. Vol. 5. No. 2. P. 141—149. <https://doi.org/10.1177/1754073912469591>.
35. Samide R., Ritchey M. (2021) Reframing the Past: Role of Memory Processes in Emotion Regulation. *Cognitive Therapy and Research*. Vol. 45. No. 5. P. 848—857. <https://doi.org/10.1007/s10608-020-10166-5>.
36. Schacter D. L., Greene C. M., Murphy G. (2023) Bias and Constructive Processes in a Self-memory System. *Memory*. Vol. 32. No. 6. P. 656—665. <https://doi.org/10.1080/09658211.2023.2232568>.
37. Schmidt S., Muzzulini B., Levine L., Tinti C. (2021) Sources of Bias in Memory for Emotional Reactions to Brexit: Current Feelings Mediate the Link between Appraisals and Memories. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 35. No. 3. P. 819—827. <https://doi.org/10.1002/acp.3806>.
38. Zainol, R. N., Zainol., A., F., Ibrahim, Y., Afthanorhan, A. (2019) Scaling Up Social Innovation for Sustainability: The Roles of Social Enterprise Capabilities. *Management Sciences Letters*. Vol. 9. No. 3. P. 457—466. <https://doi.org/10.5267/j.msl.2018.12.005>.